This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

BR
954
.I58
1886

B 1,227,106

THE UNIVERSITY OF MICHIGAN · LIBRARIES ·
THE UNIVERSITY OF MICHIGAN
TUEBOR · SOLEM · ET · LUMEN · VITAE
1817

9541

132/23

О НАЧАЛѢ

ХРИСТІАНСТВА ВЪ ПОЛЬШѢ.

Изданіе Кіевской Археографической Комиссіи.

КІЕВЪ.
Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.
1886.

C 9541.

„Innokentii, Abp. of Kherson,

О НАЧАЛѢ

ХРИСТІАНСТВА ВЪ ПОЛЬШѢ.

Изданіе Кіевской Археографической Комиссіи.

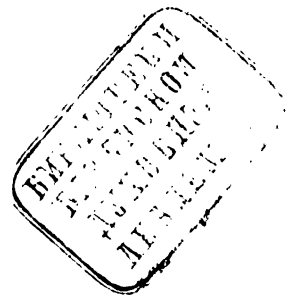
№ Инв. 1391/23
№ Хр. Кат. 1645
Б. К. Д. А.

КІЕВЪ.
Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.
1886.

BR
954
.I58
1886

Дозволено цензурою. Кіевъ, 21 іюня 1886 года.

0967095-230



О НАЧАЛѢ ХРИСТІАНСТВА ВЪ ПОЛЬШѢ*).

Польша, подобно прочимъ землямъ славянскимъ, не вдругъ подклонила главу подъ легкое и благое иго христіанства: свѣтъ Евангелія нѣсколько разъ касался предѣловъ ея и проникалъ въ самую внутренность ея, прежде нежели успѣлъ прогнать со всего лица ея густой мракъ идолопоклонства. Достойно примѣчанія, что когда ни яв-

*) Издаваемая нынѣ отдѣльной брошюрой статья «О началѣ христіанства въ Польшѣ» принадлежитъ перу ученаго ректора кіевской духовной академіи и знаменитаго церковнаго оратора Иннокентія (Борисова), въ послѣдствіи архіепископа херсонскаго (†1857 г.) Она помѣщена въ январской книжкѣ журнала министерства народнаго просвѣщенія за 1842 годъ безъ подписи автора, но о принадлежности ея Иннокентію Борисову говорятъ и преданіе кіевской духовной академіи, въ стѣнахъ которой она написана, и свидѣтельство современника преосвященнаго Иннокентія и его друга, бывшаго 1-го ректора кіевскаго университета, Михаила Александровича Максимовича, въ одномъ изъ неизданныхъ его писемъ, хранящихся у Н. П. Барсукова. Въ этомъ письмѣ значится: «Иннокентій въ письмѣ ко мнѣ (М.А. Максимовичу) говоритъ о занятіяхъ исторіей польской церкви— объ этомъ его статья напечатана, разумѣется, безъимянно, въ журналѣ министерства народнаго просвѣщенія. Иннокентій говорилъ мнѣ, что важнѣйшую половину статьи «примѣчанія» Уваровъ просилъ его непечатать, чтобы пощадить Мацѣевскаго, зѣло раскритикованнаго». Въ вѣрности этого свидѣтельства не позволяютъ сомнѣваться и самыя свойства статьи: основательностъ мысли, широта взгляда

лялся свѣтъ сей въ Польшѣ, всегда приходилъ съ востока, такъ что восточное вѣроисповѣданіе (какъ увидимъ въ послѣдствіи), существовало въ Польшѣ, по крайней мѣрѣ, около ста двадцати лѣтъ, доколѣ не принуждено было насильственнымъ образомъ сначала раздѣлить мѣсто свое съ вѣроисповѣданіемъ западнымъ, и потомъ, гонимое и преслѣдуемое, совершенно уступить ему владычество надъ Польшею.

Первые слѣды христіанства въ Польшѣ сливаются съ первыми слѣдами бытія народнаго. Иначе не могло и быть, по самому географическому положенію страны. Хотя удаленная нѣсколько отъ большихъ торговыхъ и военныхъ путей, коими славянскій міръ сообщался съ міромъ христіанскимъ, Польша однакожъ такъ близка была къ послѣднему, что не могла не входить въ горизонтъ тѣхъ лучей, кои христіанство изливало далеко во всѣ стороны изъ міра

автора, живость и образность рѣчи, и изящество слога, которыми отличаются всѣ сочиненія преосвященнаго Иннокентія. Прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ, эта статья, проливая новый свѣтъ на исторію Польши, вошедшей въ составъ единоплеменнаго ей русскаго государства, разъясняетъ, что Польша въ первый періодъ своей жизни была единовѣрною намъ, и долго еще чуждалась плевелъ латинства, щедро и упорно насѣвавшихся въ ней адептами папства. Нельзя не желать, чтобы эта историческая истина, проскользнувшая едва примѣченною въ ограниченномъ кругу читателей журнала министерства народ. просвѣщенія, немногимъ извѣстнаго въ сороковыхъ годахъ, получила возможно большее распространеніе въ русской и польской публикѣ. Съ этой доброй цѣлію коммисія признала полезнымъ статью «о началѣ христіанства въ Польшѣ» издать нынѣ отдѣльными брошюрами въ русскомъ текстѣ и въ польскомъ переводѣ. Въ замѣнъ оставленныхъ ненапечатанными и впослѣдствіи затерянныхъ примѣчаній преосвященнаго Иннокентія, приложены новыя историческія примѣчанія для подтвержденія положеній, проведенныхъ въ этой статьѣ.

греко-римскаго. Одни плѣнные христіане, почти ежегодно во множествѣ уводимые изъ имперіи въ глубь славянскихъ земель, и при каждомъ удобномъ случаѣ, какъ свидѣтельствуетъ исторія, обращавшіеся въ проповѣдниковъ Евангелія для своихъ повелителей, могли сто разъ принести съ собою сѣмена христіанства. Тому же могли содѣйствовать сношенія торговли, которая, не смотря на всѣ препятствія, выходя изъ Византіи, перекрещивала путями своими весь славянскій міръ по всѣмъ его направленіямъ. Наконецъ, по свидѣтельству Константина Порфиророднаго, молодые люди изъ значительнѣйшихъ фамилій надъ Вислою, привлекаемые слухами о величіи и богатствахъ востока, имѣли обычай во множествѣ приходить въ Царьградъ, на службу, въ имперію. Возвращаясь домой, они, безъ сомнѣнія, приносили съ собой, вмѣстѣ съ другими пріобрѣтеніями, и понятія о вѣрѣ христіанской, а многіе, вѣроятно, и самую вѣру: ибо греки прежде всего любили дѣлиться съ варварами симъ небеснымъ сокровищемъ. Послѣ сего мы нисколько не удивляемся, что нѣкоторые любители древности начинаютъ искать въ Польшѣ слѣдовъ христіанства въ тѣхъ вѣкахъ, гдѣ прежніе дѣеписатели видѣли одну тьму язычества. Напротивъ, если бы предѣлы настоящаго сочиненія позволяли, для насъ самихъ было бы весьма пріятнымъ трудомъ доказать, что въ самыхъ темныхъ сказаніяхъ о просвѣщеніи сей страны истинною вѣрою отъ нѣкоторыхъ изъ апостоловъ и мужей апостольскихъ, скрывается не одна идея о древности оной въ земляхъ славянскихъ (на что недавно одинъ любитель славянскихъ древностей хотѣлъ свести самое преданіе о путешествіи св. Андрея въ Россію), но по всей вѣроятности, и часть истины, совершенно положительной и исторической.

При настоящемъ случаѣ не имѣя удобности предаваться подобнымъ изслѣдованіямъ, мы должны сказать, что первое, значительнѣйшее и исторіею во всемъ достаточно засвидѣтельствованное озареніе Польши свѣтомъ Евангелія, послѣдовало въ IX столѣтіи, по слѣдующему незабвенному для всѣхъ земель славянскихъ случаю. Трое князей славянскихъ при Дунаѣ (къ коимъ прежде христіанство принесено было съ востока, а потомъ уже явились и западные проповѣдники), не довольствуясь поверхностнымъ знаніемъ вѣры, и смущаясь возникавшимъ уже въ то время разногласіемъ восточныхъ и западныхъ церковно-учителей, возымѣли благую мысль выпросить себѣ изъ Византіи способныхъ наставниковъ, кои поставили бы ихъ самихъ въ состояніе понимать божественную сущность вѣры и разумѣть Слово Божіе, въ коемъ она содержится. Къ счастію славянъ, два посланные для сего изъ Константинополя наставника оказались вполнѣ достойными своего предназначенія: то были приснопамятные Кириллъ и Меѳодій. Упрочивая христіанство въ Моравіи и Болгаріи посредствомъ перевода Св. Писанія и богослужебныхъ книгъ на славянскій языкъ, они не замедлили обнять апостольскою ревностью своею и прочія сопредѣльныя страны славянскія, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Меѳодій сдѣлался архіепископомъ всей Великой Моравіи. Польша естественно была изъ первыхъ земель, на кои должна была обратиться святая дѣятельность сего мужа апостольскаго, уже по самой смежности ея съ Моравіею, а еще болѣе потому, что съ распространеніемъ велико-моравскаго княжества при Святополкѣ, значительная часть ея (Силезія, Краковъ и Малая Польша) вошли въ составъ его, и слѣдовательно сдѣлались

частію Велеградской или Меѳодіевой епархіи. Почти 24-хъ лѣтнее пастыреначальство такого мужа не могло не оставить за собою многихъ и глубокихъ благихъ слѣдовъ, какъ въ прочихъ частяхъ его паствы, такъ и въ польской, которую онъ для назиданія посѣщалъ самъ лично, и вѣроятно, по существовавшему тогда у іерарховъ обычаю, не одинъ разъ. Что апостольскіе труды его не остались безъ успѣха, и при томъ вѣковѣчнаго, доказательствомъ тому служитъ самая признательность, съ коею день, посвященный памяти Кирилла и Меѳодія (9 марта), доселѣ празднуется въ церквахъ польскихъ, какъ день первонаставниковъ въ вѣрѣ народа польскаго. Въ молитвѣ на службу въ день сей, при обращеніи къ Богу говорится: «Ты, который удостоилъ «призвать насъ къ единству св. вѣры чрезъ блаженныхъ «пастырей и исповѣдниковъ Твоихъ и нашихъ патроновъ, «Кирилла и Меѳодія!»... Поелику служебникъ, изъ коего взяты слова сіи, составленъ при каѳедрѣ Гнѣзненской, находящейся въ такъ-называемой Великой Польшѣ: то мы съ полнымъ правомъ можемъ заключать отсюда, что заслуги св. братьевъ, касательно насажденія и утвержденія Вѣры въ народѣ польскомъ, не ограничивались тою частію Польши, которая принадлежала къ ихъ епархіи въ слѣдствіе политической зависимости своей отъ Моравіи, а простирались и на остальныя части Польши, на самую, такъ сказать, главу и сердце ея, которыя находились тогда въ Гнѣзнѣ и его окрестностяхъ[1]).

---

[1]) О празднованіи 10 марта памяти св. Кирилла и Меѳодія, просвѣтителей славянъ, упомянуто въ древнемъ польскомъ служебникѣ—*Missale regni Polonici,* изданномъ въ 1829 году. Молитва, въ которой св. Кириллъ и Меѳодій называются просвѣтителями Польши, имѣется въ богослужебной книгѣ: *Officia propria patrono-*

Что Кириллъ и Меѳодій въ своей епархіи не могли преподавать другаго вѣроученія и вводить другихъ обрядовъ, кромѣ тѣхъ, кои содержались тогда восточною церковью, это разумѣется само собою, и въ отношеніи къ Польшѣ совершенно ясно будетъ изъ послѣдующихъ событій [2]). Правда, что папа Николай, услышавъ о необыкновенныхъ успѣхахъ ихъ въ Моравіи, и опасаясь лишиться совершенно вліянія, какое онъ посредствомъ нѣмецкихъ (Зальцбургскихъ и Пассавскихъ) епископовъ началъ было имѣть надъ нею не задолго предъ тѣмъ, пригласилъ ихъ въ Римъ и принялъ съ честію; но сіе обстоятельство не имѣло никакого вліянія на апостольскіе труды ихъ и не перемѣнило нисколько ихъ отношенія къ Византіи. *Написаніе о правой Вѣрѣ*, которое оставилъ намъ Св. Кириллъ, совершенно согласно съ православіемъ восточной церкви; но римскому первосвященнику и не возможно было

---

rum regni Polonici, напечатанной въ 1637 году въ Антверпенѣ; она читается такъ на страницѣ 8-й: *Qui nos per beatos pontifices et confessores tuos, nostrosque patronos Cyrillum et Methodium ad unitatem fidei Christianae vocare dignitus es* (Kirchengeschichte von Polen (Friese, Бреславль—1786 г. Т. I, стр. 65).

[2]) Нарушевичъ говоритъ, что слѣды христіанства видны были въ Польшѣ уже во время княженія Зимовита (въ половинѣ 9 вѣка), а по изслѣдованіямъ Фризе это было христіанство греко-славянское, то самое, которое было насаждено первоначально въ Богеміи, Силезіи, Лузаціи и въ Польшѣ (Kirchengeschichte von Polen—стр. 26). Краковъ съ своимъ округомъ, по мнѣнію польскаго ученого Маціевскаго, входилъ въ составъ Меѳодіевой епархіи (Исторія Церкви у славян. народовъ, стр. 107). Къ тому же времени Гозій относитъ построеніе въ Краковѣ греческой Церкви во имя Пресвятой Дѣвы Маріи (Hosius in seinem gespräche von Lesung der heiligen Schrift. Т. III, p. 395).

навязывать имъ тѣхъ разностей, коими въ послѣдствіи западная церковь отдѣлилась отъ восточной, потому что сіи разности тогда еще только начинались и не утвердились на самомъ западѣ. Правда и то, что въ послѣдствіи времени св. Меѳодій вновь приглашаемъ былъ въ Римъ по проискамъ сопредѣльныхъ Моравіи нѣмецкихъ епископовъ, коимъ тяжело было лишиться денежныхъ поборовъ съ моравовъ; но св. мужъ и здѣсь умѣлъ побѣдоносно отстоять неприкосновенность восточнаго православія и обрядовъ и совершеніе самой литургіи на языкѣ славянскомъ, противъ чего особенно протестовали западные миссіонеры.

Что не могло быть сдѣлано личными трудами святыхъ братьевъ, то восполнялось и довершалось апостольскою ревностію учениковъ ихъ. Кириллъ и Меѳодій въ послѣдствіи времени, видя вѣроятно изъ опыта, что обширность нивы и великость жатвы требуютъ большаго числа дѣлателей, избрали изъ среды сотрудниковъ и учениковъ своихъ особенно способныхъ на дѣло проповѣди и, подобно апостоламъ Христовымъ, раздѣлили между ими сопредѣльныя страны. Польша досталась въ святой удѣлъ Висногу. Исторія не сохранила намъ свѣдѣній о трудахъ и успѣхахъ сего новаго первонаставника Польши, но примѣръ сверстника его на поприщѣ проповѣди, Павла Каиха, въ Богеміи, труды коего посчастливилось замѣтить исторіи, достаточно показываетъ, что избранные на проповѣдь были достойны своего предназначенія, и что они трудились по обдуманному и, безъ сомнѣнія, самимъ наставникомъ ихъ начертанному плану, стараясь упрочить христіанство между новообращенными язычниками, между прочимъ, посредствомъ заведенія училищъ, хотя Висногу могло предлежать не ма-

ло дѣла и въ той части Польши, которая прямо зависѣла отъ его великаго учителя, какъ часть его епархіи: потому что, при великой обширности и неменьшей разнородности паствы Меѳодіевой, нельзя было скоро достигнуть въ просвѣщеніи ея полнаго успѣха; но самая нарочитость избранія Виснога показываетъ, что это избирался не какой либо обыкновенный сотрудникъ на прежней нивѣ, а новый миссіонеръ, отряжаемый на великое дѣло проповѣди цѣлому народу,—обстоятельство, которое могло идти только къ остальной части Польши, составлявшей тогда княжество польское съ столицею въ Гнѣзнѣ. Поелику есть слѣды, какъ увидимъ ниже, что въ Польшѣ еще въ тѣ времена существовала уже епископская каѳедра, то невольно и почти неизбѣжно приходитъ на мысль, что Висногъ былъ первымъ ея епископомъ.

Третіе обстоятельство, весьма сильно подѣйствовавшее на распространеніе въ Польшѣ христіанства, и притомъ не другаго, а именно восточнаго, было нападеніе въ концѣ IX вѣка на Моравію мадьяровъ или венгровъ. Крайнія жестокости, совершаемыя варварскимъ народомъ надъ бѣдными жителями, принудили многихъ изъ нихъ искать спасенія въ бѣгствѣ къ сосѣднимъ народамъ. По ближайшей смежности и по той свободѣ, коею пользовались иностранцы въ Польшѣ, значительная часть моравскихъ выходцевъ устремилась въ эту сторону, неся съ собою въ даръ новому отечеству своему вѣру и богослуженіе восточныя [3]). По замѣчанію дѣеписателей, упоминающихъ о семъ переселеніи

---

[3]) Стредовскій и Папроцкій, польскіе писатели, называютъ и фамиліи этихъ переселенцевъ (Stredowski Morav. Sacra. p. 539; Paprocki in Mährischen Wagenbuche—Фризе, стр. 100).

христіанъ моравскихъ въ Польшу, многіе изъ послѣднихъ избрали для пребыванія своего мѣста самыя глухія и уединенныя, и начали провождать жизнь пустынную. Судя по сему, это должны быть монахи. Такимъ образомъ, самыя неприступныя для обыкновенныхъ проповѣдниковъ мѣста Польши начали озаряться свѣтомъ вѣры, тѣмъ болѣе благопріятнымъ для слабого зрѣнія бѣдныхъ язычниковъ, что онъ являлся не съ блескомъ и громомъ оружія, какъ за сто лѣтъ на Ельбѣ, по распоряженію Карла Великаго, а въ тихомъ отраженіи нравовъ христіанскихъ, въ жизни богоугодной и дѣлахъ милосердія. Другіе изъ христіанъ-пришельцевъ пошли въ новомъ отечествѣ своемъ другимъ путемъ: отличаясь успѣхами въ промыслахъ, торговлѣ и воинскихъ дѣлахъ, они обратили на себя всеобщее вниманіе и получили доступъ къ самому двору княжескому.

Общество христіанъ польскихъ, умноженное такимъ образомъ моравскими христіанами, естественно должно было увеличиться въ числѣ и силѣ, и пріобрѣсти значительное вліяніе на всю массу народа. Правда, что прежнее польское правительство долго было не расположено въ пользу христіанства, даже иногда готово было и преслѣдовать его, предубѣжденное противъ него мрачными слухами съ Эльбы и Одера, гдѣ неблагоразумный италіяно-германскій прозелетизмъ дѣлалъ съ свой стороны все, чтобы отвратить надолго сердца славянъ отъ благотворной религіи Христовой; но можно полагать, что, со времени Земомысла (922—962), нерасположеніе къ христіанству прекратилось, особенно послѣ того случая, какъ пользуясь паденіемъ велико-моравскаго княжества, Польша пріобрѣла на свою долю всѣ обломки его, павшіе на ея сторону: съ тѣхъ поръ, для укрѣпленія за собою новыхъ областей, гдѣ христіанство было

въ силѣ, самое благоразуміе запрещало идти противъ его послѣдователей. Съ другой стороны, христіанская вѣра восточнаго исповѣданія обладала въ высшей степени способностію находить себѣ доступъ къ сердцамъ язычниковъ. Совершая богослуженіе и бесѣдуя съ народомъ о св. таинствахъ вѣры на языкѣ ему природномъ, восточные провѣдники симъ самымъ уже скоро освоивались съ нимъ и располагали его въ свою пользу; а превосходный переводъ Меѳодіевъ св. Писанія на туземный языкъ давалъ имъ возможность и по отшествіи своемъ оставлять для новообращенныхъ христіанъ писанное Слово Божіе вмѣсто постояннаго проповѣдника. Обращаемый къ восточному православію язычникъ, чрезъ свое обращеніе, не подчинялся никакой чужеземной власти, не обязывался ни къ какимъ священнымъ податямъ, не выводился насильственно изъ круга своей обыкновенной жизни. Послѣ сего не удивительно, что христіане польскіе пользовались всеобщимъ благорасположеніемъ между польскими язычниками и что терпимость въ отношеніи къ нимъ простиралась до того, что имъ позволено было въ самомъ Краковѣ воздвигнуть церковь во имя Креста Господня и отправлять въ ней публично свое богослуженіе [4]). Въ дополненіе къ извѣстію о сей церкви должно сказать, что построеніе ея замѣчено дѣеписателями не потому, чтобы она была въ то время въ Польшѣ единственною, а вѣроятно по мѣсту ея постройки, и потому, что она отличалась отъ другихъ церквей своею обширностію и великолѣпіемъ: ибо нельзя думать, чтобы до того времени Кириллъ и Меѳодій оставляли значительную часть паствы своей въ Польшѣ вовсе безъ

---

[4]) Regenvolscius in Historia Slav. Ecclesiast. и. p 9.

церквей. Напротивъ изъ нѣкоторыхъ показаній древнихъ открывается, что не только существовали другія церкви, но въ Силезіи, къ сторонѣ Богеміи, въ одномъ городкѣ или мѣстечкѣ, Смогоржевѣ, находилась епископская каѳедра [5]): значитъ Польша до Мечислава имѣла уже свою полную іерархію, по чину восточной церкви. При такомъ положеніи лицъ и вещей въ продолженіе ста лѣтъ отъ времени Кирилла и Меѳодія до Мечислава, для христіанства могло быть сдѣлано въ Польшѣ весьма много: и если она не обратилась къ нему вся вмѣстѣ съ своимъ княземъ, то, безъ сомнѣнія, по причинѣ смерти Меѳодія, послѣ коей его Велеградская епархія подверглась опасности потерять самое бытіе свое отъ притязаній на нее зальцбургскихъ архіепископовъ.

Вообще, съ паденіемъ Святополковой, Велико-Моравской монархіи, восточное христіанство утратило между югозападными славянами единственную политическую опору, а со смертію св. Меѳодія лишилось и своего главнаго и единственнаго распространителя, поборника и учителя, и если держалось еще среди ихъ не малое время, то единственно своею внутреннею силою и сродствомъ своимъ съ потребностями и нравами народными. Не смотря на такое критическое положеніе свое, коего опасность непрестанно увеличивалась отъ возраставшаго религіозно политическаго вліянія западнаго духовенства, восточное православіе имѣло еще утѣшеніе принять на лоно свое цѣлый народъ польскій съ

---

[5]) Историкъ древней Силезской церкви Парицій полагаетъ, что каѳедра силезскаго епископа, бывшая первоначально въ Сморгожевѣ (нынѣшнемъ Бреславлѣ), была греко-славянская и зависѣла отъ моравскаго первосвятителя (Исторія Церкви у славянъ, стр. 165).

его княземъ. Важное событіе сіе, по сказанію дѣеписателей польскихъ, сколько можно здравой критикѣ привести въ согласіе частныя разнорѣчія ихъ, произошло такъ. Мечиславъ, князь польскій, не смотря на слишкомъ чувственный образъ своей жизни и на множество своихъ женъ и наложницъ, не имѣлъ дѣтей. И онъ самъ и всѣ подданные его отчаевались уже видѣть наслѣдника престола: одни христіане не теряли надежды. Уповая на силу Царя Небеснаго, который, по свидѣтельству писанія, не разъ отверзалъ утробу не раждающихъ, и имѣя доступъ къ князю, христіане осмѣлились сказать Мечиславу, что если онъ отвергнетъ совершено идоловъ и наложницъ и вступитъ въ бракъ съ христіанкою, то Господь неба и земли даруетъ ему сына, а Польшѣ наслѣдника престола. Христіане же, вѣроятно, присовѣтовали Мечислу взять себѣ въ подругу жизни и престола одну изъ богемскихъ княженъ, и дали сей совѣтъ, конечно, потому, что Богемія въ это время держалась еще со всею крѣпостію восточнаго православія, коему принадлежали и они сами. Мечиславъ, испытавъ безуспѣшность всѣхъ прочихъ средствъ, тѣмъ охотнѣе рѣшился внять благому совѣту христіанъ, своихъ поданныхъ, чѣмъ ближе самъ былъ къ христіанству по духу и примѣру предковъ своихъ подданныхъ, и чѣмъ яснѣе видѣлъ, что народъ ему подвластный видимо клонится къ тому же. Отправлено посольство въ Прагу, съ предложеніемъ руки одной изъ сестеръ Болеслава, именемъ Домбровкѣ, которая по зрѣлымъ лѣтамъ и характеру своему, вѣроятно, казалась совѣтникамъ Мечислава особенно способною къ ея великому предназначенію. Предложеніе принято, но съ условіемъ, чтобы Мешко самъ принялъ христіанство и далъ обѣтъ обратить къ нему весь народъ свой. Получивъ на сіи условія согласіе, Домбровка прибыла въ тогдашнюю столицу

Польши, Гнѣзно, окруженная многочисленною свитою, которая состояла большею частію изъ людей духовнаго сана. Между тѣмъ женихъ, желая приступить къ святой купѣли, съ правильнымъ понятіемъ о сущности сего таинства и всей вѣры христіанской, вызвалъ ко двору своему нѣкоторыхъ христіанскихъ пустынниковъ, чтобы получить отъ нихъ наставленіе въ вѣрѣ. Не смотря на сіе, крещеніе Мечислава послѣдовало не прежде, какъ спустя годъ по бракосочетаніи: замедлѣніе нѣсколько странное и неожиданное, но довольно изъясняемое неохотою языческаго князя оставить рѣшительно для новой вѣры всѣ прежніе обычаи языческіе: чего, вѣроятно, хотѣлось разсудительной Домбровкѣ, желавшей видѣть супруга своего христіаниномъ не по одному имени, какими бывали тогда многіе, не только изъ народа, но и изъ князей языческихъ. Дѣеписатели, какъ на характеристическую черту благоразумія сей княгини, указываютъ, что она, изъ снисхожденія къ духовной немощи супруга своего, сама являлась не строго державшею правила церковныя касательно постовъ, и дѣлала сіе для того, чтобы не отвратить его суровостію трапезы отъ новой религіи. Наконецъ, побѣждены были всѣ препятствія и недоумѣнія; и Мечиславъ, 5 марта 965 года, принялъ св. крещеніе изъ рукъ богемскаго священника Боговида, будучи воспріятъ отъ св. купѣли, по обряду восточной церкви, однимъ изъ вельможъ богемскихъ, прибывшихъ съ Домбровкою [6]). Примѣру князя послѣдовало множество изъ его придворныхъ людей именитыхъ. Въ то же время объявлено было по всему княжеству, что настало всѣмъ и каждому время оставить идоловъ и обратиться къ Богу

[6]) Hystorya narodu Polskiego—Bandke, стр. 149; Dlugossius—Т. I, стр. 108—110.

истинному, почитаемому христіанами. Послѣдніе, по замѣчанію дѣеписателей, пользуясь такимъ благопріятнымъ случаемъ, вышли изъ своихъ уединенныхъ убѣжищъ и явясь среди народа, сдѣлались его наставниками въ вѣрѣ. Тѣмъ болѣе пользовались, безъ сомнѣнія, драгоцѣннымъ временемъ особы духовныя, какъ тѣ, кои прибыли съ Домбровкою, такъ и тѣ, кои издавна находились при церквахъ христіанскихъ въ Польшѣ. Сдѣлано было много, но не все. Грубый народъ, изъ дѣтства привыкшій къ языческимъ обрядамъ, въ коихъ, не смотря на нелѣпость, не мало заключалось приманки для чувственности, не вдругъ могъ промѣнять своихъ истукановъ на крестъ; а жрецы и кудесники, жившіе суевѣріемъ народа, употребляли съ своей стороны всѣ мѣры удерживать его въ прежней тьмѣ идолопоклонства. Оказалось нужнымъ употребить посему для нѣкоторыхъ не одно увѣщаніе, но и понужденіе. Мечиславъ тѣмъ охотнѣе рѣшился въ семъ случаѣ дѣйствовать своею властію, что видѣлъ уже въ супругѣ своей исполненіе того обѣщанія, коимъ христіане его самаго склонили къ принятію христіанства. Издано по всему княжеству объявленіе, въ коемъ послѣ объясненія достоинствъ и божественности вновь принятой вѣры, повелѣвалось, чтобы каждый, оставшійся дотолѣ некрещеннымъ, съ наступленіемъ 7 марта явился непремѣнно къ принятію сего таинства, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, казни за ослушаніе. Указъ сей былъ выполненъ во всей силѣ: остававшіяся дотолѣ капища идольскія вездѣ разрушены; истуканы брошены въ огонь или въ воду; освященныя рощи и дубровы порублены; обожаемые гады побиты, и все сіе совершено безъ пролитія капли крови, ни со стороны народа за посяганіе на его прежнюю святыню, ни со стороны князя, за непослушаніе: новое доказательство, что народъ Польскій былъ уже приготовленъ къ хри-

стіанству и что оно могло бы мирно укорениться во всѣхъ славянскихъ земляхъ, если бы, подпавъ вліянію западной политики, само не измѣнило своего характера. Въ память событія сего образовался въ народѣ, бывшій потомъ долго въ силѣ обычай, каждый годъ 9 марта, праздновать сокрушеніе идоловъ, и для сего два деревянные истукана, представлявшіе древнихъ богинь, Морану и Дзеванну, влачить всенародно на веревкѣ въ воду [7]) Сообразно духовнымъ потребностямъ своихъ подданныхъ, Мечиславъ неумедлилъ по всѣмъ главнымъ мѣстамъ своего княжества устроить церкви, снабдивъ какъ ихъ, такъ и священно служителей, всѣмъ нужнымъ для содержанія, а супруга его дарила ихъ священными одеждами. Позднѣйшіе дѣеписатели польскіе утверждаютъ даже, будто бы Мечиславомъ учреждено два архіепископства и семь епископствъ: но такое учрежденіе, если существовало во время его княженія, то развѣ въ одномъ планѣ: ибо кромѣ того, что іерархія еще не была нужна для Польши въ такомъ обширномъ видѣ, древніе историки ничего не упоминаютъ о семъ, напротивъ ясно указываютъ на позднѣйшее происхожденіе каждой изъ тѣхъ епископскихъ каѳедръ, которыхъ учрежденіе приписывается Мечиславу. Впрочемъ несомнѣнно, что сей князь, по усердію къ новопринятой вѣрѣ, совершилъ путешествіе, и можетъ быть не разъ, по своимъ вла-

---

[7]) Длугошъ, называемый княземъ Польской исторіи, описывая подробно принятіе христіанства поляками при Мечиславѣ, говоритъ, что они приняли вѣру христіанскую, православную, католическую—*fidem christianam, orthodoxam, Catholicam* (не говорится Romano-catholicam, *latinam*). Самыя имена первыхъ краковскихъ епископовъ, упомянутыхъ у Длугоша: *Прохоръ* и *Гедеонъ*, необычныя римско-католическимъ епископамъ, показываютъ, что они принадлежали къ восточной православной церкви.

дѣніямъ, чтобы изгладить и послѣдніе слѣды язычества, и для сего однихъ привлекалъ къ крещенію ласками и подарками, другихъ отвлекалъ отъ идоловъ страхомъ.

Такъ совершилось обращеніе къ христіанству Польши!—Не только первыя сѣмена вѣры посѣяны и возращены въ ней, но и первые плоды собраны и представлены на трапезу Господню руками восточныхъ дѣлателей. Самъ князь со всѣмъ дворомъ своимъ принялъ крещеніе изъ рукъ восточнаго священника, и принятъ былъ отъ купѣли крестнымъ отцемъ восточнаго исповѣданія. Посему въ первыхъ храмахъ польскихъ богослуженіе, безъ всякаго сомнѣнія, совершалось на языкѣ туземномъ, который тогда ничѣмъ почти не разнствовалъ отъ языка славянской библіи перевода Меѳодіева; равно и св. причастіе преподавалось не подъ однимъ видомъ, какъ теперь въ церкви западной, а подъ двумя, какъ преподается доселѣ въ тѣхъ славянскихъ земляхъ, кои остались вѣрными своему древнему православію. То же должно сказать и о прочихъ обрядахъ и священныхъ обыкновеніяхъ, коими церковь восточная отличается теперь отъ западной; всѣ они, вмѣстѣ съ вѣрою и таинствами, были приняты новообращенною Польшею, и такъ пришлись по духу народа, что, какъ увидимъ, въ продолженіе цѣлыхъ вѣковъ будутъ по мѣстамъ держаться, не смотря на всѣ старанія искоренить ихъ. Послѣ сего оставалось только скрѣпить связь новорожденной церкви польской съ матерію ея, церковію восточною, дать ей въ достаточномъ количествѣ благихъ и разумыхъ приставниковъ, оградить ее прочнымъ и опредѣленнымъ законоположеніемъ церковнымъ, поставить ее въ приличное іерархическое отношеніе къ патріарху константинопольскому, и она подобно церкви россійской, продолжала бы въ мирѣ

возрастать, укрѣпляться и дѣлаться постепено плодоноснѣе. Но сего то именно и не достало, по крайней смутности тогдашнихъ обстоятельствъ. Церковь богемская, удостоившаяся послужить при духовномъ возрожденіи Польши, по сему самому и по близости своей всего скорѣе могла бы оказать ей эту важную услугу; но церковь сія въ то время сама была далека отъ надлежащаго устройства, не имѣя даже своего епископа, и начинала подвергаться сильному вліянію запада. Церковь моравская была не въ лучшемъ состояніи: правда, не смотря на домогательство зальцбургскихъ архіепископовъ, ожидавшихъ только смерти Меѳодія, чтобы присоединить его епархію къ своей, она успѣла продлить на нѣсколько времени свое самостоятельное существованіе: но преемники Меѳодія не имѣли его духа и силы, и при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, вмѣсто того, чтобы воскрешать давнее свое право на Польшу, едва успѣвали отражать отъ себя притязанія нѣмецкихъ епископовъ, а Россія во время обращенія Мечислава еще сама была не вполнѣ озарена вѣрою христіанскою, но и послѣ уже, получивъ достаточную іерархію, не могла дѣйствовать въ церковномъ отношеніи на Польшу между прочимъ и потому, что пребывала съ нею въ политическихъ распряхъ. Оставался одинъ Константинополь, коему всего приличнѣе было бы взять подъ свое покровительство юную церковь польскую; но частыя и насильственныя перемѣны патріарховъ, слабость имперіи и недостатокъ средствъ, отнимали у Византіи возможность управлять событіями въ земляхъ отдаленныхъ. Притомъ мадьяры, занимавшіе Болгарію и Венгрію, еще болѣе, нежели Балканы, стояли непроходимою стѣною между Польшею и Греціею, такъ что послѣдняя не скоро даже могла знать о томъ, что происходило въ первой. Такимъ образомъ юная церковь польская, при

самомъ рожденіи своемъ, лишась опоры восточной, была предоставлена себѣ самой.

Не то было со стороны Запада. Система духовнаго владычества надъ всѣмъ міромъ, быстро развиваясь изъ Рима, въ началѣ IX вѣка уже видимо стремилась къ своему зениту, приводя все, съ одного края Европы до другаго, къ одному знаменателю—мнимымъ ключамъ Петровымъ. Когда на Востокѣ патріаршій престолъ едва могъ стоять отъ бурь, свирѣпствовавшихъ вокругъ престола императорскаго, на западѣ самые вѣнценосцы искали себѣ защиты подъ тіарою римскаго первосвященника. По его гласу все, начиная отъ главы имперіи до послѣдняго крестоносца, стремилось не рѣдко туда, куда призывали нужда или выгода церкви. Легіоны миссіонеровъ, въ разныхъ видахъ и подъ разными наименованіями, выходя съ полуострова италіанскаго и сопредѣльныхъ съ нимъ странъ, густою толпою стремились на сѣверъ, въ глубь земель славянскихъ, ища себѣ добычи, а Риму новыхъ духовныхъ поданныхъ. Нѣмецкіе императоры не только не противоборствовали сему прозелитизму римскому, но напротивъ, съ начала IX вѣка, сами совершенно увлекались имъ: ибо послѣ того, какъ они усвоили себѣ такъ пазываемое jus majestaticum circa eclesiastica, обращеніе къ христіанству языческихъ народовъ равнялось для нихъ почти завоеванію послѣднихъ, съ тѣмъ крайне выгоднымъ различіемъ, что первое совершалось безъ сраженій и потерь. Въ сихъ видахъ еще Карломъ Великимъ учреждено было пограничное для югозападныхъ славянъ архіепископство нѣмецкое въ Зальцбургѣ. Оттонъ Великій сдѣлалъ даже съ папою, касательно обращенія славянскихъ народовъ, религіозно-политическій конкордатъ, вслѣдствіе коего для сѣверныхъ

славянъ учреждено было особое архіепископство въ Магдебургѣ. Въ составъ его, въ видѣ викаріатства, входило епископство познанское, предназначенное прямо и всецѣло для Польши, съ епископомъ Іорданомъ, который, нарочно избранный съ знаніемъ славянскаго языка и окруженный достаточнымъ числомъ миссіонеровъ, проживалъ около границъ польскихъ, выжидая перваго удобнаго случая вступить въ свою епархію, существовавшую пока однимъ именемъ, in partibus infidelium

Какъ мало Мечиславъ сначала былъ расположенъ къ церкви западной, яснымъ сему доказательствомъ служитъ то, что не смотря на многія, безъ сомнѣнія и со стороны самаго Іордана и со стороны императора бывшія предложенія и просьбы, епископъ познанскій не былъ допускаемъ въ Польшу, хотя, какъ мы видѣли, въ ней было множество христіанъ и конечно не малое число церквей, равно и то, что не смотря на существованіе уже готоваго польскаго епископа, крещеніе принято княземъ и народомъ изъ рукъ не его, а богемскихъ священиковъ. Но съ продолженіемъ времени обстоятельства начали рѣшительно перемѣняться въ пользу запада. Юная церковь польская, для своего устройства, имѣла крайнюю нужду въ епископѣ, а его не было и трудно было достать изъ Греціи. Между тѣмъ Іорданъ, живя у границы, безъ сомнѣнія, всячески домогался воспользоваться симъ случаемъ въ пользу свою и своей церкви. Съ другой стороны Мечиславъ, въ слѣдствіе своей неудачной войны съ однимъ изъ пограничныхъ маркграфовъ нѣмецкихъ, подпалъ вліянію императора и сдѣлался (по одной части своихъ владѣній, Силезіи) почти его вассаломъ, коему безъ сомнѣнія, однимъ изъ первыхъ условій мира и покровительства было поставляемо приня-

тіе къ себѣ познанскаго епископа, чѣмъ, по своимъ видамъ на славянъ, весьма много дорожилъ императоръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, не пощажены были всякаго рода обѣщанія, между прочимъ и короны королевской, обыкновенной въ тѣ времена приманки для князей языческихъ, на которую ловила ихъ римская политика. Вслѣдствіе всѣхъ сихъ обстоятельствъ Іорданъ, спустя три года по обращеніи Польши къ христіанству (не прежде!), былъ принятъ въ нее Мечиславомъ, и западное духовенство въ лицѣ его стало довольно твердою ногою на землѣ польской. Духовенство богемское и туземное не имѣло средствъ, ни даже особенныхъ побужденій противиться вступленію въ Польшу латинскаго епископа, который вначалѣ, безъ сомнѣнія, нисколько не показывалъ себя не расположеннымъ къ обрядамъ восточнымъ, отъ самыхъ папъ въ то время еще во всей силѣ терпимымъ по разнымъ землямъ славянскимъ. Дѣло, казалось, состояло въ томъ, чтобы польской церкви получить полную іерархію, дабы имѣть собственное управленіе и снабжаться священнослужителями, въ чемъ настояла такая нужда для ней. Правда, на помощь Іордану, по его вступленіи въ Польшу, немедленно прислано было нѣсколько человѣкъ изъ Рима и Магдебурга, съ наказомъ дѣйствовать въ пользу западнаго вѣроученія и обрядовъ; но ихъ прибытіе не могло вдругъ произвести большой перемѣны, не смотря на то, что они заняли самыя значительныя мѣста. Ибо, хотя для сей миссіи старались находить въ Римѣ и Мегдебургѣ людей знающихъ славянскій языкъ, но не могли найти ихъ въ достаточномъ количествѣ. Самая необходимость сообщенія съ жителями заставляла латинскихъ миссіонеровъ удерживать при себѣ богемскихъ и туземныхъ священниковъ, которые для сего продолжали приходить въ Польшу изъ Моравіи и Богеміи, и даже были

нарочно вызываемы. Все это удерживало восточное богослуженіе въ силѣ и не позволяло Іордану и сотрудникамъ его явно стать противъ него, особенно до кончины Домбровки, которая, привыкнувъ съ дѣтства къ обрядамъ восточной церкви и пользуясь уваженіемъ своего супруга, не потерпѣла бы насильственныхъ въ семъ отношеніи дѣйствій, Но, со смертію сей княгини (972 г.), должно было многое измѣниться въ пользу запада, особенно когда Мечиславъ вступилъ во второй бракъ—съ одною изъ монахинь пограничнаго монастыря латинскаго. Съ тѣхъ поръ дворъ княжескій но могъ не наполниться духовными особами римскаго исповѣданія, кои, утвердившись при дворѣ, тѣмъ удобнѣе могли простирать свой прозелитизмъ по всему княжеству. Преемникъ Іордана, умершаго въ 984 г., Унгеръ, могъ дѣйствовать уже гораздо смѣлѣе, хотя все еще не могъ прикасаться къ тому, что въ восточномъ православіи было наиболѣе сроднаго съ потребностями и духомъ народа, какъ напр. отправленіе божественной службы на языкѣ народномъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, подъ конецъ жизни Мечислава, успѣли довести его до того, что онъ рѣшился отправить въ Римъ посольство съ предложеніемъ признать власть папы надъ всѣмъ своимъ княжествомъ, только бы въ награду за сіе получить изъ рукъ его вѣнецъ королевскій. Не смотря однакожь на то, что посольство сіе присовѣтовано было польскому князю, конечно, не другимъ кѣмъ, какъ римскимъ духовенствомъ, при немъ находившимся, и что предложеніе, съ коимъ его отправили къ папѣ, было совершенно по духу римской политики, успѣхъ далеко не соотвѣтствовалъ ожиданію. Папа, давъ въ то же самое время королевскій титулъ князю венгерскому, отказалъ въ ономъ Мечиславу: по однимъ, будто бы за нечестіе и худую нравственность народа польскаго, по

другимъ, будто бы узнавъ о смерти Мечислава, которая дѣйствительно скоро послѣдовала. Но кто вспомнитъ при семъ, что подобный отказъ получитъ потомъ и преемникъ Мечислава, тотъ не удовлетворится ни однимъ изъ сихъ объясненій. Напротивъ, всего ближе и естественнѣе думать, что римская политика подорожила для Польши даромъ, для нея ничего не стоющимъ, потому что не видѣла въ ней утвержденнымъ своего вѣроисповѣданія и что посредствомъ его надѣялась въ послѣдствіи лучше достигнуть своей цѣли. Въ самомъ дѣлѣ, торжественное обѣщаніе папы, что корона будетъ дана польскимъ князьямъ, когда Польша вполнѣ сдѣлается христіанскою, на языкѣ тогдашней дипломатіи римской значило не другое что, какъ только, что сей даръ получится, коль скоро Польша совершенно перемѣнитъ восточное богослуженіе на западное: чего Мечиславъ не успѣлъ сдѣлать за смертію. Незавидная доля сія досталась его преемнику. Въ дополненіе къ извѣстіямъ о состояніи христіанства въ Польшѣ при Мечиславѣ, должно замѣтить, что, по сказанію Длугоша, папа, вслѣдствіе посольства Мечиславова, будто бы отправилъ въ Польшу кардинала Егида, который, раздѣливъ всю польскую церковь на епархіи и назначивъ для каждой изъ нихъ предѣлы, доходы и привиллегіи, посвятилъ девять епископовъ. Не смотря на то, что Длугошъ называетъ даже имена сихъ епископовъ, сказаніе его о кардиналѣ Егидѣ, есть не болѣе, какъ патріотическій вымыслъ [8]). Егидій явится, какъ увидимъ, въ Польшѣ, но спустя сто лѣтъ. Имена епископовъ набраны Длугошемъ изъ сотрудниковъ, присланныхъ Іордану на помощь. Нѣкоторые изъ нихъ, въ самомъ дѣлѣ,

---

[8]) Фризе, стр. 141—152. Эгидій упоминается въ 1122 году при папѣ Каллистѣ II и королѣ Болеславѣ III.

были епископами только въ послѣдствіи, когда при Мечиславовомъ преемникѣ польская церковь получила полную (латинскую) іерархію.

Тѣмъ, для коихъ можетъ показаться страннымъ, что Польша въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ довольствовалась однимъ епископомъ, должно припомнить, что иначе и не могло быть при нерѣшительномъ состояніи, въ какомъ въ продолженіи сего времени находилась она, колеблясь между восточнымъ православіемъ, въ ней издавна существовавшимъ, и, при самомъ обращеніи всего народа, еще господствовавшимъ, и римскимъ вѣроисповѣданіемъ, вошедшимъ въ нее съ Іорданомъ и его сотрудниками, но еще не могшимъ утвердиться и начать въ большомъ размѣрѣ самостоятельныя дѣйствія по своему плану и въ своемъ духѣ. Этому же нерѣшительному состоянію должно приписать и то, почему не сдѣлано въ продолженіи сего времени никакихъ распоряженій касательно образованія юношества, по крайней мѣрѣ, духовнаго. Когда преемникъ Мечислава рѣшительно станетъ подъ знамена Рима, то однимъ изъ первыхъ дѣйствій его будетъ призвать бенедиктиновъ, славившихся въ то время любовію къ наукамъ.

Важное событіе сіе послѣдовало однакожь не такъ скоро, какъ бы можно было ожидать, судя по нуждѣ для Польши окончательно рѣшить дѣло столь необходимое, каково устройство церкви, чрезъ дарованіе ей неизмѣннаго образа вѣроисповѣданія и богослуженія. Болеславъ уже царствовалъ около пяти лѣтъ, а вліяніе Рима надъ Польшею ограничивалось почти однимъ тѣмъ, что во главѣ духовенства ея стоялъ преемникъ Іордана, епископъ Унгеръ, который, будучи присланъ отъ нелюбимыхъ нѣмцевъ,

болѣе былъ терпимъ за недостаткомъ епископовъ восточнаго исповѣданія, нежели усвоенъ цѣлою страною, какъ пастырь отечественный. Во все сіе время не видно никакихъ распоряженій къ сближенію съ Римомъ и его религіозными нововведеніями, ни со стороны Болеслава, который, вѣроятно, занятъ былъ добываніемъ военной славы и отыскиваніемъ прежнихъ областей польскихъ, отторгнутыхъ во время княженія его отца, ни со стороны духовенства латинскаго въ Польшѣ, которое было еще слишкомъ слабо и и не національно, чтобы предпринять что-либо важное противъ существующаго порядка вещей, ни даже со стороны папъ, которые, будучи напуганы примѣромъ Богеміи,—гдѣ покушеніе на восточные обряды дало поводъ къ ужасному народному возстанію,—въ молчаніи ожидали благопріятныхъ обстоятельствъ утвердить свою власть надъ Польшею. На неусыпной стражѣ оставалась одна политика нѣмецкихъ императоровъ, для которой тѣмъ нужнѣе было завлечь какъ-нибудь повелителя Польши въ сѣти своей религіозно-политической системы, чѣмъ опаснѣе была его храбрость и побѣды, коими онъ начиналъ славиться по всему сѣверу. Не имѣя возможности дѣйствовать для сей цѣли на Польшу прямо, посредствомъ оружія, какъ-то дѣлалось съ прочими славянскими племенами, не столь сильными, императоры не оставляли употреблять въ дѣло всѣ косвенныя средства, сколько-нибудь къ тому служащія. Одно изъ сихъ средствъ подѣйствовало сверхъ всякаго ожиданія и много пріуготовило поворотъ Польши или, точнѣе сказать, князя ея отъ востока къ западу. Это было миссіонерское путешествіе къ полякамъ епископа пражскаго Адальберта, которое потому самому, не смотря на частность событія, мы должны разсказать подробнѣе.

Воспитанникъ нѣмецкой пропаганды для славянъ, Адальбертъ съ юности былъ тщательно наставленъ во всемъ, что почиталось нужнымъ для дѣйствованія среди ихъ въ пользу Рима и имперіи. Обнаруживъ отличныя способности и чрезвычайнную ревность трудиться сообразно свему предназначенію, Войцѣхъ (прежнее имя Адальберта) былъ сдѣланъ епископомъ богемскимъ съ тою именно цѣлію, чтобы вытѣснить изъ сей страны восточные обряды и обратить ее къ латинству. Ему же, во уважаніе его способностей и ревности, поручено было дѣйствовать въ томъ же духѣ и на Венгрію. Здѣсь успѣхъ скоро превзошелъ ожиданія: ибо венгерскій князь имѣлъ слабость, за обѣщанную изъ Рима корону, вовсе забыть попеченіе о самостоятельности своей церкви, а народъ, разгромленный мадьярами, потерялъ духъ національный. Но дома, въ Богеміи, встрѣтилъ Адальбертъ совсѣмъ другое: послѣ неоднократныхъ представленій и просьбъ, со состороны народа, оставить его при богослуженіи и обрядахъ восточныхъ, принятыхъ отъ Кирилла и Меѳодія, явилось непреодолимое упорство, разрѣшившееся наконецъ кровавымъ народнымъ возстаніемъ, которое, въ отсутствіи Адальберта, стоило жизни четыремъ его роднымъ братьямъ. Тщетно Адальбертъ, для успѣха въ своемъ намѣреніи, обращался во всѣ стороны за помощію: дѣло дошло наконецъ до того, что онъ самъ увидѣлъ необходимость отказаться отъ своей паствы и навсегда проститься съ Прагою. Въ сихъ обстоятельствахъ, когда пламень прозелитизма, пылавшій въ Адальбертѣ со всею силою, не зналъ въ какую сторону обратиться, нѣмецкій императоръ, не спускавшій глазъ съ Польши и юнаго героя, ею управлявшаго, присовѣтовалъ ему идти къ полякамъ. Совѣтъ сей принятъ былъ тѣмъ скорѣе, что часть народа польскаго въ Краковѣ и его окрестностяхъ, прина-

надлежа къ Богеміи, уже составляла часть епархіи Адальбертовой, такъ что онъ, занявшись ею теперь, чрезъ то самое, казалось, продолжалъ оставаться въ предѣлахъ своей паствы и такимъ образомъ имѣть надежду, при перемѣнѣ обстоятельствъ, вступить на свою каѳедру снова. Адальбертъ явился въ Краковѣ съ успѣхомъ необыкновеннымъ. Кровавый урокъ, полученный имъ въ Богеміи, привелъ его къ умѣренности, такъ что онъ пересталъ представлять изъ себя явнаго врага восточныхъ обрядовъ и не ставилъ восточнаго исповѣданія наравнѣ съ язычествомъ, довольствуясь внушеніемъ главнаго пункта римскаго исповѣданія —вѣры въ верховную власть папы надъ церковію и его непогрѣшимость. Между тѣмъ, владѣя совершенно языкомъ славянскимъ, отличаясь даромъ слова, совершеннымъ безкорыстіемъ, строгимъ и пустыннымъ образомъ жизни, Войцѣхъ соединялъ въ себѣ всѣ качества народнаго проповѣдника вѣры. Не довольствуясь проповѣдію во храмахъ и священныхъ мѣстахъ, онъ бесѣдовалъ съ народомъ всюду, гдѣ представлялся къ тому хотя малѣйшій случай: на торжищахъ, въ частныхъ домахъ, и на пути, и продолжая свой миссіонерскій трудъ съ одного края Польши до другаго, отъ Кракова до Гнѣзна, сдѣлался лицемъ народнымъ и священнымъ, какого Польша изъ духовенства латинскаго дотолѣ не видала. Когда онъ явился въ столицѣ Болеслава, сей принялъ его какъ святаго и предлагалъ ему простерть свою проповѣдь на остальную часть Польши — Лузацію. Но Войцѣхъ, вслѣдствіе, какъ говорятъ, сновидѣнія, предпочелъ идти на проповѣдь къ поморянамъ.

Но здѣсь встрѣтило Адальберта совсѣмъ не то, что у венгровъ и поляковъ—не готовое поле, расчищенное трудами восточныхъ дѣлателей, а терны и волчцы язычества:

послѣ кратковременной борьбы съ упорствомъ поморянъ, проповѣдникъ палъ жертвою свей ревности. Болеславъ, благоговѣя къ памяти Войцѣха, выкупилъ тѣло его у язычниковъ и похоронилъ съ честію, сначала въ Трелизнѣ, а потомъ въ Гнѣзнѣ.

Имѣвъ подъ конецъ своей жизни значительное вліяніе на Польшу своею проповѣдію, Адальбертъ еще болѣе началъ дѣйствовать на нее по смерти. Вскорѣ распространилась молва о чудесахъ, бывающихъ при его гробѣ: это было чрезвычайно благопріятно для латинскаго духовенства, которое, опираясь на чудеса мученика римскаго исповѣданія, смѣло могло предлагать народу все, что казалось ему нужнымъ для достиженія своихъ цѣлей. Сему-то усилившемуся вліянію латинства должно приписать, между прочимъ, что Болеславъ, не боясь отказа, полученнаго въ Римѣ его отцемъ, снова рѣшился отправить къ папѣ посольство съ просьбою о коронѣ, полученіе которой могло быть для него въ настоящихъ обстоятельствахъ весьма полезно тѣмъ, что утвердило бы и освятило его право на всю Польшу, сильно оспориваемое братьями его, которыхъ онъ, въ нарушеніе отцовскаго завѣщанія, выгналъ изъ ихъ удѣловъ. Тѣмъ изумительнѣе видѣть, что римскій первосвященникъ, вопреки, какъ казалось, всѣхъ разсчетовъ и выгодъ, такъ же отказалъ въ коронѣ и храброму сыну, какъ отказалъ слабому отцу. Странный отказъ сей нельзя изъяснить ничѣмъ другимъ, кромѣ того что папы не видѣли въ Польшѣ почти ничего западнаго, кромѣ нѣмецкаго епископа Унгера съ нѣсколькими духовными лицами, и посему не рѣшились дарить корону на удачу. Безъ сомнѣнія, отказъ сей, хотя мы и не знаемъ его историческихъ подробностей, умягченъ былъ всѣмъ, чѣмъ можно, и сопровожденъ по прежнему обѣщаніемъ дать корону немедленно,

коль скоро Польша сдѣлается совершенно христіанскою, то есть латинскою.

Героическое средство сіе, данное Польшѣ въ другой разъ, въ такомъ сильномъ пріемѣ, могло легко подѣйствовать въ противную сторону и испортить все дѣло. Нѣмецкій императоръ, коему по сосѣдству виднѣе было положеніе Польши, поспѣшилъ исправить ошибку папы. Возвратившись изъ Рима, куда онъ ѣздилъ между прочимъ для переговоровъ на счетъ обращенія славянъ, Оттонъ (III) немедленно объявляетъ желаніе исполнить данный якобы имъ по случаю болѣзни своей обѣтъ поклониться гробу Войцѣха. Таковыя набожныя странствованія вѣнценосныхъ особъ не были тогда дѣломъ необыкновеннымъ: посему нѣтъ причины, какъ поступаютъ нѣкоторые, приводить въ подозрѣніе благочестивыхъ цѣлей высокаго богомольца; но вмѣстѣ съ симъ исторія имѣетъ всѣ права утверждать, что съ ними соединялась и важная цѣль политическая, какъ то показали послѣдствія. Будучи принятъ Болеславомъ по-царски, Оттонъ едва окончилъ свое поклоненіе гробу Адальберта, какъ занялся политикою. Увлеченный якобы благодарностію за радушный пріемъ, а въ самомъ дѣлѣ по основательному, предварительному соглашенію, Оттонъ объявляетъ своимъ нѣмецкимъ вассаламъ, при немъ бывшимъ, что такому повелителю, каковъ Болеславъ, не прилично оставаться герцогомъ Польши и данникомъ имперіи и, вслѣдствіе его великихъ качествъ, возлагаетъ на него собственную корону, провозглашая его отселѣ другомъ имперіи и королемъ славянъ, и даруя ему съ тѣмъ право брать подъ свою власть все, что можетъ взять изъ земель славянскихъ. Вмѣстѣ съ симъ, по тогдашнему духовно-свѣтскому праву, переходило отъ императора на новаго коро-

ля Польши право учреждать епископства. Въ замѣнъ всѣхъ сихъ выгодъ, кои для императора ничего не стоили, или стоили весьма мало, повелитель Польши обязывался держаться единства съ нимъ какъ въ политикѣ, такъ и въ вѣрѣ, и стараться всѣми средствами распространять религіозно-политическую систему запада на всѣ прочія страны и народы славянскіе (въ томъ числѣ, по Длугошу, и на Россію). То есть, Болеславъ имѣлъ неосторожность дать обѣтъ на подданство Риму не только за себя и народъ свой, но и за всю великую семью славянъ!...

Вслѣдствіе новаго религіозно-политическаго трактата, церковь польская освободилась изъ-подъ іерархической зависимости магдебургскаго митрополита и получила свою главу въ лицѣ митрополита гнѣзненскаго, коимъ сдѣланъ братъ покойнаго Войцѣха, Гавденцій. Въ зависимости отъ сей новой митрополіи, учреждено два новыхъ епископства, въ главнѣйшихъ городахъ польскихъ: Краковѣ и Бреславлѣ, а потомъ, для поморянъ, въ Колбергѣ. Епископство познанское продолжало оставаться въ зависимости отъ Магдебурга: это сдѣлано, безъ сомнѣнія, изъ уваженія къ его древности и чтобы пощадить самолюбіе епископа познанскаго, который, какъ единственный представитель церкви польской, встрѣчалъ императора въ Гнѣзнѣ. Такія перемѣны на верху іерархіи не могли не повлечь за собою многихъ перемѣнъ въ среднихъ и низшихъ его разрядахъ, хотя о томъ и не упоминается дѣеписателями: въ слѣдствіе чего множество италіанцевъ и нѣмцевъ явилось въ Польшѣ для занятія новыхъ мѣстъ духовныхъ. Всѣ сіи распоряженія представлены были отъ императора и новаго короля на усмотрѣніе папы Сильвестра, и утверждены имъ вполнѣ, кромѣ только того, что не прислано,

какъ можно было ожидать, благословенія на корону,—вѣроятно потому, что она возложена на Болеслава безъ спроса и что это было противно основному догмату тогдашней политики папской.

Объявивъ себя рѣшительно въ пользу западнаго исповѣданія и устроивъ въ духѣ его высшую іерархію и правительство церковное, Болеславъ дѣлалъ для утвержденоваго порядка церковнаго все, что можно было ожидать отъ подобнаго государя, вѣрнаго новопринятой системѣ, но чуждаго западному фанатизму, который, какъ мы увидимъ въ послѣдствіи, при всѣхъ стараніяхъ Рима, долго не могъ пустить корней на несродной ему землѣ польской! [9]) Занимаясь устройствомъ городовъ и укрѣпленныхъ мѣстъ, Болеславъ въ то же время, сообразно потребностямъ распространенной іерархіи, строилъ всюду церкви и снабжалъ ихъ постоянными фундушами, независимо отъ десятины, которая, какъ тѣнь за тѣломъ, начала слѣдовать за польскою церковію. Эта новая важная выгода заставляла молчать ту часть духовенства, которая въ противномъ случаѣ не могла бы равнодушно видѣть, что восточные обряды начали приноситься въ жертву западнымъ нововведеніямъ, особенно латинской литургіи. Щадя честь новаго духовенства, которое по неопытности своей ввязывалось въ разные процессы и вслѣдствіе того терпѣло справедливыя и тяжкія непріятности отъ судовъ свѣтскихъ, Болеславъ

---

[9]) Польскій историкъ Пясецкій въ книгѣ «Chronicon-Amstelod» 1648 г., на стр. 148, говоритъ, что поляки приняли христіанство не отъ нѣмцевъ и не отъ западной церкви, а отъ церкви восточной или греческой, чрезъ Кирилла и Меѳодія и что какъ исповѣдники этой вѣры, они были тѣснимы и преслѣдуемы въ послѣдствіи.

даровалъ духовенству право судиться во всѣхъ дѣлахъ собственнымъ своимъ судомъ, только подъ надзоромъ верховной власти. Подобнымъ образомъ, чтобы духовенство не терпѣло непріятностей отъ сборщиковъ казенныхъ податей и смотрителей за государственными повинностями, оно со всѣми маетностями его уволено отъ всякихъ податей и налоговъ, хотя привиллегіи сіи стоили немалаго ущерба казнѣ королевской. Среди сихъ заботъ о внѣшнемъ благоустройствѣ церкви и іерархіи, не забыто было попеченіе и о внутреннемъ совершенствѣ духовной части. По недостатку въ людяхъ, разумѣющихъ латинскій языкъ, необходимый для латинской литургіи, не разъ были выписываемы Болеславомъ способныя лица изъ Италіи и Германіи. Обращено вниманіе и на ордена монашескіе, служившіе въ то время, какъ и нынѣ, главною опорою римскаго исповѣданія и духа. Сначала призваны были камельдулы, славившіеся строгою пустынническою жизнію, кои поселились въ лѣсахъ, около Казимиржа. Потомъ приглашены бенедиктинцы, съ цѣлію распространить посредствомъ сего ученаго ордена просвѣщеніе въ Польшѣ. Для удобности въ дѣйствіяхъ послѣднимъ дано три мѣста съ значительными фундушами.

Дѣйствуя такимъ образомъ въ пользу римской церкви внутри, Болеславъ сообразно обязательству, принятому на себя при коронаціи, являлся столь же ревностнымъ распространителемъ правилъ и власти ея за предѣлами своей монархіи. Покоривъ власти своей славянъ заодерскихъ, онъ немедленно основалъ тамъ, въ Лубушѣ, новое епископство. Отправляя потомъ дочь свою въ Россію, въ замужество за одного изъ сыновей Владиміра, Святополка, Болеславъ не забылъ отправить съ нею и епископа латинскаго, коего неблагоразумный прозелитизмъ былъ причиною

тяжкой размолвки между отцемъ и сыномъ, стоилъ темничнаго заключенія безразсудному проповѣднику и вообще подѣйствовалъ злощастно на характеръ Святополка и судьбу тогдашней Россіи. Отправясь потомъ самъ въ походъ на Россію, Болеславъ взялъ съ собою латинскаго аббата Тынеца, съ цѣлію распространенія латинства. Если вѣрить темнымъ извѣстіямъ, то онъ, во время пребыванія въ Кіевѣ, основалъ даже тамъ епископство латинское. Награбленными въ кіевскихъ церквахъ утварями украшенъ, по возвращеніи изъ похода, гнѣзненскій соборъ.

Любопытнѣе всѣхъ сихъ подробностей для насъ было бы знать, какимъ образомъ Болеславъ или, съ позволенія его, новое духовенство польское дѣйствовало въ отношеніи къ восточнымъ обрядамъ и литургіи, и какъ замѣняло ихъ обрядами и литургіею латинскими. Но касательно сего сего важнаго предмета въ дѣеписаніяхъ Польши царствуетъ глубокое молчаніе. Современное духовенство естественно не имѣло никакого интереса увѣковѣчивать память своей несчастной работы, и старалось всѣми силами изглаждать, вмѣстѣ съ слѣдами восточнаго православія, и память о немъ въ народѣ, придавая своему исповѣданію характеръ и тонъ исповѣданія первобытнаго. Послѣдующіе дѣеписатели, отстоя всѣ на цѣлыя и даже на многія столѣтія отъ самаго событія, принадлежа притомъ всѣ къ духовному званію и будучи проникнуты свойственнымъ тому времени религіознымъ пристрастіемъ къ своему, не только не принимали никакого труда отыскивать слѣды первобытнаго православія въ своемъ отечествѣ, но и почитали за грѣхъ собирать ихъ тамъ, гдѣ они сами представлялись ихъ взору [10]).

---

[10]) Въ 1622 г. іезуиты при Сигизмундѣ III, захвативъ въ свои руки цензуру книгъ и библіотеки, жгли на рынкѣ, среди Варшавы, все, что казалось имъ противнымъ (Бандтке, т. II, стр. 303—304).

Для всего не римскокатолическаго у нихъ нѣтъ даже другаго названія, кромѣ язычества и идолопоклонства, такъ что, слѣдуя за выраженіями одного изъ нихъ, надлежало бы почесть, что Польша обратилась къ христіанству не прежде проповѣди Войцѣха, тогда какъ мы изъ тысячи несомнѣнныхъ сказаній знаемъ, что цѣлый народъ польскій принялъ крещеніе еще въ первые годы княженія Мечислава. Какъ-бы въ замѣнъ сего молчанія и чтобы наполнить пустоту первобытнаго періода церкви латинской въ Польшѣ, дѣеписатели польскіе начало латинскихъ епископовъ въ Польшѣ старались наперерывъ отодвигать какъ можно далѣе въ древность; но не могши справиться съ хронологіею, надѣлали столько видимыхъ и неразрѣшимыхъ противорѣчій, что теперь самые усердные чтители древности церкви латинской въ Польшѣ не видятъ никакой возможности отстаивать ее на судѣ исторіи въ томъ видѣ, какой данъ былъ ей древними ея ревнителями. Между тѣмъ не смотря на такое намѣреніе сокрыть истину, однихъ проговорокъ латинствующихъ дѣеписателей достаточно, дабы видѣть, что дѣла шли далеко не такъ, какъ они изображаютъ. А сводъ иноземныхъ свидѣтельствъ, параллелизмъ событій въ сопредѣльныхъ земляхъ славянскихъ, гдѣ восточному исповѣданію предстояла та же самая участь поникнуть подъ преобладающимъ могуществомъ западнаго обряда, наконецъ самыя событія, всплывающія на поверхности при дальнѣйшемъ теченіи дѣлъ,— дополняютъ остальное и даютъ видѣть прозорливому испытателю древности, какъ совершился религіозный переворотъ въ Польшѣ. [11])

---

[11]) По мнѣнію Бандке латинскій обрядъ въ Польшѣ взялъ перевѣсъ надъ славянскимъ въ Польшѣ только около 994 года.

Что безграничная духовная власть папъ надъ всею церковію была въ Польшѣ признана оффиціально во всей силѣ, какъ догматъ вѣры,—это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Признаніе сего пункта составляло уже и въ то время сущность римскаго вѣроисповѣданія, и мы вскорѣ увидимъ въ Польшѣ горькіе плоды сего вѣрованія. Подобнымъ образомъ не подлежитъ спору, что съ тѣхъ поръ во всей Польшѣ начали дѣйствовать, если дотолѣ не вездѣ дѣйствовали, десятины въ пользу мѣстнаго духовенства и и такъ-называемый *святой грошъ Петровъ*, собираемый для папъ: доказательства на это также вскорѣ представляются въ избыткѣ. Что касается литургіи, то сколько съ одной стороны несомнѣнно, что новое иноземное духовенство совершало ее на языкѣ латинскомъ, по обряду римскому (ибо иначе и не могло совершать, не зная, большею частію, языка туземнаго), столько же съ другой стороны вѣрно, что при большей части церквей, особенно сельскихъ, находились по прежнему священники богемцы и моравы, или туземцы: по той же самой причинѣ продолжалось совершеніе литургіи славянской. Племена славянскія при своемъ переходѣ изъ восточнаго православія въ латинство ни съ чѣмъ такъ прискорбно не разставались, какъ съ литургіею на языкѣ природномъ. Доказательствомъ служитъ примѣръ богемцевъ, моравовъ и самыхъ далматянъ. Если у славянъ, прилегавшихъ къ Италіи и давно состоявшихъ подъ властію нѣмецкихъ маркграфовъ, славянская литургія уступила мѣсто латинской не прежде, какъ въ послѣдней половинѣ XI вѣка, а въ сопредѣльной Польшѣ и Богеміи продолжалась до XII, то кто повѣритъ, чтобы Польша предупредила прочихъ славянъ въ семъ совершеннно антинаціональномъ поступкѣ? Напротивъ, если гдѣ-либо, то

въ Польшѣ, какъ должно полагать, славянская литургія по мѣстамъ, оставалась въ силѣ цѣлыя столѣтія, признакомъ чего между прочимъ служитъ григоріанское пѣніе, коимъ поется молитва Войцѣха въ честь Богородицы[12]). Подобнымъ образомъ продолжали и долго оставаться въ силѣ въ Польшѣ другіе обряды и обычаи церкви восточной, особенно тѣ, кои были безразличны для интереса церкви западной, какъ напр. посты, уничтоженіе коихъ послѣдуетъ не прежде XIII вѣка[13]), и еще болѣе тѣ, кои

---

[12]) Новый завѣтъ, писанія св. отцевъ, псалтирь и богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ были въ употребленіи въ Польшѣ еще въ концѣ 14 вѣка и этими книгами пользовалась и польская королева Ядвига, жена Ягайлы, перекрещеннаго изъ православія въ въ латинство—(Bandke т. II, стр. 158). По изслѣдованію тогоже Бандке, отправленія богослуженія на славянскомъ языкѣ поляки домогались даже на Петроковскомъ сеймѣ, бывшемъ въ 1556 году (Bandke т. II, стр. 154.) Сигизмундъ Августъ, польскій король, въ письмѣ къ папѣ также сильно настаивалъ на томъ, чтобы совершеніе богослуженія для польскаго народа было по прежнему на народномъ языкѣ (Petri Polani Hist. concil Trid L. V. pag. 409—465). Древнѣйшія богослужебныя книги на славянскомъ языкѣ напечатаны въ Краковѣ въ концѣ 15 вѣка, именно: *Осмогласникъ [Октоихъ]* въ 1491 г., *Часословецъ* въ 1491 г., *Псалтырь* съ Возслѣдованіемъ 1491 г., *Тріодь Постная* и *Тріодь Цвѣтная* около тогоже времени, при польскомъ королѣ Казимірѣ Ягелловичѣ, родившемся не отъ Ядвиги, которая померла бездѣтною, а отъ послѣдней жены Ягайла, православной Софіи (Соньки), княжны Ольшанской, которая была матерью и прочихъ сыновей Ягайлы, польскихъ королей: Владислава и Яна Альберта, и, безъ сомнѣнія, эти книги издавались въ Краковѣ для поляковъ, а не для какого нибудь другаго народа.

[13]) Посты соблюдались въ Польшѣ по православному и во время. Болеслава такъ строго, что непостившимся вырывали зубы въ наказаніе (Bandke т. I, стр. 166). Постъ великій или четыредесят-

сопряжены были съ выгодою для духовенства, какъ напр. его супружеское состояніе: оно по мѣстамъ, не смотря на всѣ противъ него мѣры, будетъ проявляться до самаго XV вѣка и дастъ поводъ къ многимъ шумнымъ процессамъ [14]).

ница начинался съ понедѣльника послѣ сыропустной недѣли, какъ у православныхъ, а не съ среды, какъ принято у котоликовъ (Фризе, стр. 163.) Сырная недѣля упразднена и посты измѣнены у поляковъ папой лишь въ 13 вѣкѣ при участіи папскаго легата, ліонскаго архидіакона Іакова, за деньги. Бывши уполномоченнымъ папы на Бреславскомъ соборѣ 1248 г., онъ предложилъ польскимъ епископамъ, не согласятся ли они пособлять папѣ въ теченіи 3 лѣтъ церковными доходами въ его войнѣ съ императоромъ Фридрихомъ; соборъ услужилъ папѣ, отправивъ въ Римъ разомъ сумму за 3 года и притомъ золотомъ, а папа, въ признательность за эту услугу, прислалъ въ Польшу разрѣшеніе соблюдать болѣе легкіе посты, по правиламъ Римской церкви, вмѣсто прежнихъ восточныхъ—(Длугошъ—т. VII, стр. 710—711).

[14]) Что духовенство польское долгое время было не безбрачнымъ, это очевидно изъ запрещеній ему вступать въ бракъ въ 1197 на краковскомъ соборѣ и въ 1215 г. на провинціальномъ соборѣ этого духовенства, а также изъ спора по этому предмету возникшаго на Петриковскомъ Сеймѣ 1550 г. (Rys Hist Polsk. Mikłasczewskiego pag., 60; Bandke т. II., p. 154). И король Сигизмундъ Августъ, отправляя въ 1556 г. г. пословъ на Тридентскій соборъ, просилъ папу Павла IV отъ своего имени и отъ имени всего польскаго королевства—невоспрещать польскимъ священникамъ вступленія въ бракъ (Petri Polani Hist. concil. Trid. lib. V, p. 409); а каноникъ Станиславъ Оржеховскій хотя былъ осужденъ мѣстнымъ епископомъ за вступленіе въ бракъ, но испросилъ у папы дозволеніе оставаться въ супружескомъ состояніи, не въ примѣръ прочимъ: «tibi soli» сказано въ резолюціи папы на прошеніи, которымъ онъ жаловался на строгій судъ епископскій (Bandke Т. II. под. 154). Нужно принять въ соображеніе, что и въ Чехіи духовенство,

Наконецъ самыя стѣны первобытныхъ храмовъ Польши, будучи воздвигнуты въ византійскомъ вкусѣ и расположены по образцу храмовъ православныхъ, оставались на цѣлые вѣки свидѣтелями древняго православія Польши, а нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ церковь въ Краковѣ, свидѣтельствуютъ о томъ даже донынѣ [15]).

даже высшее, до 12 вѣка было женатое, и только въ княженіе Премысла 1-го получили здѣсь силу постановленія папы Григорія VII о безбрачіи духовенства. Долгое время сохранялся въ Польшѣ и обычай Апостольской церкви преподавать причащеніе мірянамъ подъ обоими видами—хлѣба и вина, такъ какъ король Сигизмундъ Августъ въ 1551 г. просилъ папу въ своемъ письмѣ о сохраненіи этого обычая (Фризе т. III. стр. 258; Райнальдъ, стр. 78; Островскій т. III, стр. 64.) Нѣкоторые историки, какъ то Маціевскій и Морачевскій, самый успѣхъ протестанства въ Польшѣ въ 16 вѣкѣ объясняютъ тѣмъ, что поляки увидѣли въ протестанскомъ обрядѣ возстановленіе причащенія подъ двумя видами, которое соблюдалось у ихъ предковъ и котораго они лишились по распоряженію папы.

[15]) Первая церковь, построенная въ г. Краковѣ, на горѣ Вавелѣ, королемъ Мечиславомъ, по желанію его супруги Домбровки, посвящена имени ея дяди, чешскаго королевича Вячеслава, который признается святымъ и въ православной церкви. Церковь эта въ 1320 году замѣнена другимъ обширнымъ храмомъ, который былъ богато украшенъ по усердію короля Казиміра Великаго (1330—1370 г.) и освященъ во имя тогоже святаго; но и въ немъ многое напоминаетъ собою Восточную церковь: построенъ онъ алтаремъ на востокъ, престолы въ немъ, обложенные досками, отличались рѣзбою, позолотой живописью въ византійскомъ стилѣ. Въ началѣ 18 вѣка всѣ эти украшенія замѣнены мраморными (Krakow i jego Ocolice—Grabowskiego, стр. 75, 111, 112). Авторъ сочиненія: Kathedra na Wawelu—1605 г. передаетъ со скорбію, что древніе памятники Вячеславова храма еще въ началѣ 17 вѣка были рублены и сожигаемы его обновителями безъ пощады всякой, безъ уваженія и къ памяти

Какъ бы то ни было, со временъ гнѣзненскаго трактата церковь польская рѣшительно обратилась отъ восто-

---

предковъ, ихъ сооружившихъ, и къ святымъ на нихъ изображеннымъ. Нынѣ въ краковскомъ соборѣ св. Вячеслава или Вацлава замѣчательны два придѣла: 1) *придѣлъ св. креста*, прежде называвшійся русскою часовней, на сводахъ котораго сохранились изображенія ангеловъ и святыхъ православной церкви (46 цѣльныхъ фигуръ и 59 головъ) съ славянскими надписями, которыя въ записяхъ 1473 и 1477 г. называются «мозаическими, греческими—*mosaico more picta, graeco more depicta et decorata*. Въ этомъ же придѣлѣ, вверху престола, находится образъ св. Тройцы византійской живописи, *w sposobie ruskim* по выраженію писателей, съ подписью. что образъ этотъ устроенъ въ 1467 г.; на доскѣ поддерживающей его тумбы изображенъ св. Георгій, поражающій копіемъ дракона. 2-й *придѣлъ св. Тройцы*, устроенный въ 1431 г. четвертою женой Ягайлы, русской княжной Софіей, которая здѣсь же была погребена въ 1461 году. Ею пожертвованы были въ эту часовню драгоцѣнныя утвари и ризы, которыя, по свидѣтельству древнихъ хроникъ, капитулъ обязанъ былъ свято хранить, но ничто изъ нихъ не уцѣлѣло до настоящаго времени. Не уцѣлѣло даже и надгробіе королевы Софіи Андреевны, находившееся при стѣнѣ и существовавшее еще въ 1682 и 1711 году (Krakow i jego Okolice—Grabowskiego, стр. 82 и 104). Другая древняя церковь г. Кракова въ честь *св. Креста* построена, по сказанію Нарушевича, еще въ 9 вѣкѣ моравами, бѣжавшими отъ преслѣдованія венгровъ, которая потому называлась «Славянскою»; она и нынѣ обращена алтаремъ на востокъ, хотя перестроена послѣ пожара, бывшаго въ 1584 году. Въ костелѣ во имя св. *Idziego*, находящемся близь каѳедральнаго собора св. Вацлава, также древнемъ, имѣется 15 иконъ съ славянскими надписями. Въ этомъ храмѣ, равно какъ и въ *церкви св. Дѣвы Маріи*, посвященномъ ея успенію, замѣчательна дуга съ крестомъ вверху, отдѣляющая алтарь отъ прочихъ частей храма. какъ-бы означающая собою здѣсь алтарную преграду, бывшую въ древнихъ православныхъ храмахъ на мѣстѣ нынѣшнихъ

ка къ западу, подчинилась совершенно вліянію Рима и начала принимать характеръ церквей латинскихъ, который

иконостасовъ. Въ церкви св. *Николая* хранится бронзовая крестильница, устроенная, какъ свидѣтельствуетъ надпись на ней, въ 1536 г. коштомъ Станислава Чайки и его жены Катерины: видно, что въ началѣ 16 вѣка въ Краковѣ еще не совершали крещенія чрезъ окропленіе, какъ нынѣ дѣлается у католиковъ, а крестили чрезъ погруженіе по православному обряду.—Въ каѳедральной *гнѣзненской* церкви «иконопись, по свидѣтельству Дамалевича, сходна съ иконописью русскою и московскою» (Damalewicz in serie Episcoporum Gneznen. стр. 29). Сохраняющійся въ древнемъ *варшавскомъ* архивѣ документъ, значащійся въ его Суммаріушѣ подъ 1580 годомъ, свидѣтельствуетъ, что при храмѣ *св. Георгія*, находившемся въ *Варшавѣ* на Святоюрской улицѣ, гдѣ нынѣ желѣзная фабрикп Эванса, былъ православный монастырь. Древнѣйшій изъ существующихъ въ Варшавѣ храмовъ, костелъ *св. Іоанна Крестителя*, алтаремъ обращенъ къ востоку, а не къ западу. Древнѣйшія въ *Гнѣзнѣ* и *Прагѣ* церкви посвящены имени св. великомученика Георгія, котораго память болѣе чествуется на востокѣ, чѣмъ на западѣ.—Въ радомской губерніи, ближайшей къ краковскому округу, сохранившіеся древніе храмы своею архитектурой также напоминаютъ о бывшемъ здѣсь православіи восточной церкви. Такъ костелъ въ г. *Шидровцѣ*, построенный въ 1431 г. Шидловскими, олтаремъ обращенъ къ востоку, и замѣчательно, что Шидловскіе, его фундаторы, принадлежали къ тѣмъ Шидловскимъ, которые были въ числѣ первыхъ христіанъ, прибывшихъ изъ Моравіи въ Польшу. Костелъ въ г. *Вонхоцкѣ*, въ 32 верстахъ отъ Шидловца, сооруженный въ 1177 г. краковскимъ епископомъ Гедеономъ, сохраняетъ донынѣ свой византійскій стиль,—что сознаютъ и польскіе писатели (Wycieczka Archeologiczna стр. 32). Въ м. *Цмѣліовѣ*, въ 15 верстахъ отъ Опатова, была русская церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ въ послѣдствіи стоялъ замокъ (ibidem стр. 78). Преданіе еще говоритъ, что Домбровка, супруга Мечислава, построила церковь во имя Св. Тройцы на *Лысой горѣ* въ Опатовскомъ уѣздѣ радомской губерніи, гдѣ предъ тѣмъ

потомъ развившись остается въ ней донынѣ: посему мы здѣсь должны произнести мнѣніе касательно сего важнаго переворота.

Прежде всего должно замѣтить, что ни одно событіе въ исторіи Польши столько не подѣйствовало на судьбу ея, какъ перемѣна восточнаго вѣроисповѣданія на западное, хотя на это, по весьма понятной причинѣ, не было доселѣ обращено вниманія дѣеписателей польскихъ. Въ истинѣ сего легко согласится каждый, не поверхностно занимавшійся исторіею народа Польши. Спрашивается: каково было это вліяніе? благотворно, или нѣтъ?—Да, удалится отъ насъ мысль осуждать римское исповѣданіе потому только, что оно есть исповѣданіе не наше, или не приз-

---

стояло разрушенное ею языческое капище. Въ послѣдствіи здѣсь построенъ монастырь св. Креста въ византійскомъ стилѣ (z gruntu greckim kształtem), который въ 1417 году, при Ягайлѣ, росписанъ въ томъ же стилѣ,—«*Greckim kształtem dał pomalować wewnątrsz cały kościoł*» (ibidem стр. 89). Даже Сарницкій, каноникъ 1831 г., злѣйшій врагъ православія, признаетъ, что св. Писаніе первоначально читалось народу въ Польшѣ на славянскомъ языкѣ, что оно переведено на польскій языкъ тогда уже, когда народъ пересталъ понимать славянскій языкъ и что грекославянскій обрядъ пришелъ въ Польшѣ въ упадокъ только въ 14 вѣкѣ (Czasopis Lwowski 1818 года, стр. 38). Мацѣевскій, провѣривши всѣ историческія свидѣтельства, также утверждаетъ положительно, что греко-славянское христіанство существовало въ Польшѣ до гнѣзненскаго трактата. Подтвержденіе сему находить можно и въ нашей, русской лѣтописи (по Ипатскому списку), гдѣ сказано, что погребеніе польскаго короля *Лешка*, совершили въ 1287 г. «*епископъ, игумени и попове и діакони, пѣвше обычныя пѣсни*», т. е. совершили священнослужители православной церкви.

навать въ немъ того, что стоитъ уваженія! Между тѣмъ, вникая безпристрастно въ судьбу Польши, тотчасъ видишь невольно, что сдруженіе ея съ западомъ не послужило ей въ пользу. Какова была бы судьба ея и, вѣроятно, другихъ смежныхъ съ нею земель славянскихъ, если бы онѣ остались вѣрными восточному православію, коему, какъ мы видѣли, принадлежали вначалѣ! Такъ напр. вовсе не было бы злосчастной уніи, потрясшей Польшу въ самомъ ея основаніи. Реформа Лютера и Кальвина не вторглась бы съ такою удобностію въ нѣдра Польши и не произвела бы такихъ губительныхъ опустошеній. Россія, конечно, давно соединилась бы съ Польшею, имѣвъ къ тому столько случаевъ и всегда расходясь, главнымъ образомъ, за разностію вѣроисповѣданій. Сихъ трехъ намековъ достаточно, дабы дать знать, какъ много рѣшалось трактатомъ гнѣзненскимъ. Но это—хотя огромная, внѣшность; заглянемъ внутрь, нѣсколько поглубже.

Христіанство въ формѣ западнаго вѣроисповѣданія въ ту пору, когда Польша обратилась къ послѣднему, вполнѣ уже направлено было въ пользу духовно-политическаго владычества Рима надъ всѣмъ міромъ: къ сему служила вѣра въ начальство римскаго первосвященника надъ всею церковію и его непогрѣшимость, къ сему—литургія на языкѣ латинскомъ, къ сему—безженство священниковъ, къ сему анаѳема и индульгенціи, къ сему—подати на гробъ Петровъ и проч. Но все это, видимо благопріятствуя духовно-политической централизаціи Европы, крайне препятствовало національному развитію народовъ. Отсюда необходимо, съ продолженіемъ времени, возникла борьба между вѣроисповѣданіемъ и народностію, которая, какъ опытъ пока-

залъ, оканчивалась различно: въ большей части германскихъ народовъ побѣдою народности надъ папизмомъ, а у славянъ, а въ томъ числѣ и у поляковъ, побѣдою папизма надъ народностію; одни галльскія племена успѣли до сего времени продлить эту борьбу, хотя она не разъ выражалась подавленіемъ одной какой-либо стороны, и теперь видимо наклоняется къ рѣшительной побѣдѣ народности надъ папизмомъ.

Польша болѣе другихъ націй оставалась вѣрною системѣ римскаго духовно-политическаго владычества надъ міромъ, и нигдѣ эта система не оказала такихъ разрушительныхъ дѣйствій, какъ надъ нею. Христіанство, вмѣсто того, чтобъ быть ентелехіею общественной жизни, приводящей къ единству всѣ стихіи политическаго бытія, въ формѣ римскаго католичества дѣлалось началомъ разъединяющимъ стихіи общества. И во-первыхъ, латинскій языкъ, занявъ однимъ собою навсегда храмы и на долго—школы, кромѣ того, что подавилъ въ Польшѣ народный языкъ на нѣсколько вѣковъ и вмѣстѣ съ нимъ національное образованіе народа, произвелъ еще большій вредъ тѣмъ, что, облекши собою религію, сдѣлалъ ее чуждою для массы народа, не далъ ей проникнуть ее своимъ духомъ, сродниться съ нимъ до того, чтобы составить одно, къ чему такъ сроденъ характеръ славянскихъ племенъ и чего такіе превосходные плоды видимъ на Россіи. Вѣра въ двоякость верховной власти, заграничной, высшей, и свѣтской, туземной, низшей, произвели ничѣмъ неизлечимый расколъ политическій, который при каждомъ удобномъ случаѣ давалъ себя чувствовать въ ужасныхъ потрясеніяхъ всего общественнаго зданія и, вмѣстѣ съ другими причинами,

послужилъ къ тому, чтобы уронить въ глазахъ народа святыню вѣнца царскаго.

Духовенство польское, подобясь главѣ всего римскаго духовенства, добивалось имѣть характеръ не одинъ религіозно-моральный, но и политическій, и добившись его, принесло въ жертву политической сторонѣ своего сана религіозно-моральную, отъ чего общество, ничего не пріобрѣтая въ политикѣ, чрезвычайно много потеряло въ нравственности. Безженство священниковъ, разъединивъ духовенство съ обществомъ, открыло ему всю несчастную для общества удобность предаваться противунаціональнымъ интересамъ Рима. Въ силу сего и вслѣдствіе чрезмѣрныхъ богатствъ его, самое образованіе его приняло характеръ чрезмѣру свѣтскій, даже можно сказать языческій, и оно отличалось не проповѣдями и переводами св. отцевъ церкви, а преложеніемъ Горація и Овидія. Священныя подати, на изобрѣтеніе коихъ такъ щедра была римская церковь, постепенно возрастая, составили невыносимую народную тягость: одна десятина не десять разъ колебала не менѣе девятыхъ частей всего государства и составила постоянную точку столкновенія интересовъ церкви съ интересами общества. Самое то, наконецъ, что западное исповѣданіе пришло въ Польшу не первое, не осталось безъ послѣдствій непріятныхъ: восточное православіе, не успѣвъ пустить глубокихъ корней въ народѣ польскомъ, долго не могло оспаривать побѣды предъ исповѣданіемъ, въ пользу коего дѣйствовало все земное могущество; но, какъ сродное съ природою вещей и духомъ народа, оно оставило по себѣ неизгладимое воспоминаніе и слѣды не только въ народѣ, но и въ самомъ духовенствѣ, которое старалось продлить по крайней

мѣрѣ для себя самого то, что было въ немъ выгоднѣйшаго. Изъ сего возникъ и тлѣлъ, какъ огонь подъ пепломъ, родъ тайной вѣковой оппозиціи господствующему исповѣданію, чѣмъ не замедлили воспользоваться первые проповѣдники реформаціи въ Польшѣ, выдавая свои нововведенія за остатокъ древнихъ, первобытныхъ національныхъ вѣрованій и священныхъ обычаевъ.

Сообразивъ все сіе и многое другое, не только каждый славянинъ, но и каждый истинный сынъ Польши, отъ сердца пожалѣетъ, что преемникъ Мечислава поспѣшилъ дать увлечь себя въ религіозно-политическую систему запада. Мы поступили бы, конечно, вопреки законамъ справедливости, если бы начали судить и осуждать за все это сего, по многимъ отношеніямъ знаменитаго государя,—какъ бы предъ нимъ открыто было то, что для насъ сдѣлалось очевиднымъ въ продолженіи осьми вѣковъ: но смотря на дѣло въ его время и среди его обстоятельствъ, нельзя не замѣтить, что съ его стороны при семъ случаѣ поступлено слишкомъ скоропоспѣшно, чтобъ не сказать болѣе. Существованіе въ Польшѣ восточнаго богослуженія одно могло удержать его отъ посяганія на перемѣну: тѣмъ болѣе могли удержать отъ сего естественность восточныхъ обрядовъ и ихъ сродность съ естественными потребностями народа. Примѣръ Владиміра въ Россіи показалъ, что могло быть и въ Польшѣ. Съ другой стороны, латинство, какъ безъ сомнѣнія не сокрывало оно тогда еще своего характера противонаціональнаго и своей враждебности къ восточнымъ обрядамъ, все имѣло довольно очевидныхъ сторонъ, не благопріятствующихъ славянизму, кои должны были не располагать къ нему государя,

дорожащаго самостоятельностію своего народа. Признать себя въ какомъ бы то ни было отношеніи зависимымъ отъ Рима, даже его данникомъ, значило уже сдѣлать шагъ слишкомъ неосторожный. Что побудило къ сему Болеслава? Не знаемъ за подлинно. Всего вѣроятнѣе, что это было результатомъ обстоятельствъ: въ пользу Рима сильно дѣйствовало въ воображеніи Болеслава религіозное вліяніе Войцѣха, но не менѣе и суетное желаніе короны, такъ что мы нисколько не думаемъ выйти изъ предѣловъ историческихъ показаній, когда скажемъ, что трактатъ гнѣзненскій былъ большею частію дѣломъ какого-то религіозно-рыцарскаго духа, которому не только Болеславъ, но и вся Польша приносила потомъ въ жертву не разъ самые важные интересы свои...

Въ оправданіе Болеслава говорятъ, что онъ увлекся на сторону западнаго исповѣданія мыслію доставить своему народу западное образованіе. Напротивъ намъ кажется, что если бы по любви къ образованію рѣшалось дѣло религіи въ умѣ Болеслава, то онъ скорѣе долженъ бы принять, или, точнѣе говоря, не оставлять стороны востока, ибо безспорно, на востокѣ, въ Греціи и Константинополѣ, тогда было гораздо болѣе образованія, нежели въ Римѣ и вообще на западѣ. Какъ успѣшно могло развиваться образованіе подъ вліяніемъ восточнаго православія, примѣромъ тому могла служить Болгарія, которая, по принятіи христіанства восточнаго, не смотря на всю стѣсненность своихъ политическихъ обстоятельствъ и на краткость своего самостоятельнаго бытія народнаго, успѣла оставить столько слѣдовъ своей литературы, что они возбуждаютъ удивленіе. Напротивъ, отъ иноземнаго латинизма и тогда, если можно было

ожидать какихъ-либо сѣмянъ образованности италіано-германской, то вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, надлежало опасаться подавленія всего туземнаго.

Думаютъ еще, что Болеславъ, принявъ на себя дальнѣйшее распространеніе религіозно-политической системы германской между прочими славянскими племенами, симъ самымъ отвратилъ отъ нихъ вліяніе нѣмецкихъ императоровъ, и такимъ образомъ спасъ, можетъ быть, религіозно-политическую самостоятельность самой Россіи. Услуга, равно какъ и опасеніе, слишкомъ мечтательныя!—Вліянію нѣмецкихъ императоровъ хотя бы они были всѣ Оттоны, не II-ые и III-іе, а I-ые, мудрено было распространиться до Днѣпра, когда оно съ великимъ трудомъ переправлялось и за Одеръ. И когда бы дѣйствительно существовала эта опасность, то безъ сомнѣнія, скорѣе была бы отвращена, если бы православная Польша подъ такимъ храбрымъ государемъ, каковъ былъ Болеславъ, стала стѣною защиты для остальныхъ славянъ противъ прозелитизма германскаго.—Напротивъ, Польша, увлекшись въ западную систему, подвергла той же опасности всѣ остальныя племена славянскія. Если нѣкоторыя изъ нихъ остались вѣрными своему православію и вмѣстѣ съ симъ народности, то они уже явно обязаны симъ не Польшѣ, которая съ своей стороны имѣла неблагоразуміе дѣлать все къ подавленію у нихъ того и другаго, а Россіи, которая, сохранивъ подъ сѣнію православія вполнѣ свою самостоятельную народность, умѣла великодушно осѣнить ею и прочія племена славянскія.

Отъ размышленій обратимся опять къ событіямъ, и покажемъ, какъ съ самаго начала они пошли вопреки ожиданіямъ и своекорыстнымъ разсчетамъ.

Прежде всего измѣнило Болеславу то, чѣмъ онъ найболѣе, кажется, увлекся, жертвуя самостоятельностію своей церкви политическимъ видамъ императора нѣмецкаго: полученная отъ него за эту жертву корона немедленно подверглась спору и пререканіямъ. Папа, какъ мы видѣли, не прислалъ на нее благословенія, что въ тогдашнихъ понятіяхъ было очень важно, а чрезъ два года нечаянная кончина Оттона сдѣлала то, что съ самою имперіею надлежало начать войну, которая, съ малыми промежутками, длилась около 30 лѣтъ, то есть почти во все остальное царствованіе Болеслава. Къ довершенію досады, преемники Оттона, подъ предлогомъ несоблюденія польскимъ княземъ гнѣзненскаго договора, провозгласили его лишеннымъ королевскаго титула. Напрасно Болеславъ употреблялъ всѣ усилія, чтобы, минуя уже имперіи, купить это право на чистыя деньги въ Римѣ; всѣ негоціаціи по сему дѣлу, столь близкому къ сердцу короля—героя, какъ нарочно не удавались, и онъ до конца жизни имѣлъ огорченіе слыть, и по тогдашнему времени не безъ причины, за короля-самозванца.

Несчастная обязанность, принятая Болеславомъ при коронованіи, быть распространителемъ латинства и въ прочихъ земляхъ славянскихъ, уже по самому существу своему ничего не обѣщала добраго и вскорѣ принесла горькій плодъ. Болеславъ отдалъ дочь свою за Святополка, сына Владимірова: этотъ союзъ двухъ домовъ царственныхъ надъ двумя славянскими народами могъ обѣщать самые вожделѣнные плоды; но Болеславъ, сообразно несчастному обѣщанію—содѣйствовать всѣми средствами латинству, отправилъ вмѣстѣ съ дочерью въ Кіевъ латинскаго епископа. Слѣдствіемъ прозелитизма его было то, что вскорѣ отецъ

съ сыномъ размолвили до того, что послѣдній былъ взятъ подъ стражу вмѣстѣ съ проповѣдникомъ латинства. Домашняя вражда сія, по смерти Владиміра, немедленно обратилась въ государственную между Россіею и Польшею, не теряя притомъ характера и религіознаго. Въ походахъ своихъ на Русь Болеславъ былъ окруженъ многими лицами изъ латинскаго духовенства, очевидно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы въ случаѣ успѣха дѣйствовать на Русь въ духѣ римской пропаганды. Если вѣрить нѣкоторымъ показаніямъ польскихъ историковъ, то Болеславъ, во время своего пребыванія въ Кіевѣ, учредилъ тамъ для Руси даже епископство. Весьма можетъ быть: ибо епископы in partibus infidelium, то есть безъ паствы, про всякій случай, были въ великомъ употребленіи въ римской церкви, какъ одно изъ надежныхъ средствъ къ предварительному утвержденію правъ Рима надъ какою-либо страною. Но несомнѣннѣе всего то, что полурелигіозный характеръ войны Болеслава съ Кіевомъ много ожесточилъ сію войну съ обѣихъ сторонъ и оставилъ по себѣ сѣмена сугубаго раздора между двумя единокровными народами.

Сердцу Болеслава не чѣмъ было утѣшаться и дома, въ Польшѣ, отъ перемѣны вѣроисповѣданія. Общество камельдуловъ, которое политика его думала употребить въ посредство къ переговорамъ съ Римомъ о коронѣ, все было вырѣзано разбойниками, которые, видя, что король часто по ночамъ посѣщалъ оное, думали найти у монашествующихъ братьевъ великія сокровища. Общество бенедиктиновъ, во всѣхъ другихъ странахъ столь плодовитое для наукъ и искуствъ, въ Польшѣ съ самаго начала осудило себя на ученое безмолвіе и бездѣйствіе: въ продолженіи цѣлыхъ

столѣтій мы не видимъ ни одной школы, имъ заведенной, ни одной книги, ими написанной или изданной.

Вообще латинскому духовенству предлежала важная и трудная задача—заставить народъ забыть его иноземность и иноязычность новаго богослуженія; но оно, предавшись попеченію о своихъ помѣстьяхъ и сборахъ десятинъ, кажется, немного старалось о разрѣшеніи этой задачи въ свою пользу, Между тѣмъ новыми отяготительными правами своими для общества, латинское духовенство со дня на день теряло въ любви народной. Вышеупомянутыми въ пользу духовенства узаконеніями и льготами Болеславъ надѣялся удалить отъ него столкновенія съ гражданскою властію, для него уже враждебною; но напрасно. Зловѣщая десятина, съ коей латинское духовенство весьма неблагоразумно, съ самаго начала бытія своего въ Польшѣ, связало неразрывно свое существованіе, все испортила. Отъ неудовольствій тайныхъ, потомъ явнаго ропота, дошло до возмущенія. Во многихъ мѣстахъ рѣшительно отказались платить десятину, и отказъ былъ сопровожденъ не только неуваженіемъ къ духовенству, но и презрѣніемъ самой вѣры. Урокъ былъ слишкомъ важенъ и для короля и для духовенства, чтобы имъ пренебречь. Но ни тотъ, ни другое имъ не воспользовались. Десятина и латинство были нераздѣльны. Духовенство, вмѣсто благоразумнаго снисхожденія, ни за что въ новой землѣ не хотѣло разстаться съ десятиною. Самъ Болеславъ, разъ зашедшій въ сѣти латинства, не зналъ какъ возвратиться, хотя можетъ быть и раскаевался, что отворилъ двери такому исповѣданію, которое немилосердно одесятствовало всѣхъ его подданныхъ. Послѣ повелѣній и угрозъ, обратились къ